

“Война всех против всех”, будущее, критика

Евгения Белорусец

"Просторы" задумывались несколько лет назад как издание, глядящее через опыт художественного перевода на слишком различные практики: литературу, социальную критику, современное искусство.

Почти все редакторы "Просторов" 2009-2013 годов мыслили себя переводчиками, посвящали себя этой практике настолько, что у редакции не находилось времени для рассуждений о концепции издания. Умолчание это не означало отсутствие позиции. Политика "Просторов" была предъявлена читателю через тексты, через способ их публикации и их выбор. Взгляд на литературу через процесс ее пересказывания или перевода, через литературные тексты смог уберечь издание от догматики и конечного словаря прописных истин. Социальная критика существовала на правах фундаментальной исходной позиции, проявляющейся почти что в любой публикации и не нуждающейся в доказательствах или манифестах.

Новый состав редакции начинает работу над "Просторами". Это значит, под тем же именем

начнет/продолжит свое существование другой проект. Имя остается прежним без объяснений, (не) потому что традиция "Просторов" будет продолжена. И мне особенно легко об этом говорить, потому что традиция никогда не была сформулирована как нечто стабильное, цельное, последовательное. Литературный перевод в этом издании был также и постоянным движением, переходом из одного состояния в другое, преобразованием, в котором сквозь тексты или изображения угадывались контуры города, места, события.

2016 год. Этот проект начинает свое существование во время войны. Все еще отчетливо слышна экзотичная непривычность самого слова "война", вестника из пантеона заглавных слов советского прошлого и мира кинематографа. За последние два года новости успели стать наиболее значимыми текстами, фотографии с места событий – самыми важными изображениями. Очень быстро волна более актуальных новостей накрывает предыдущие, – не позволяя, однако, их окончательно забыть.

Память избирательна, внимание – приковано к новостным сводкам, а художественные работы существуют не вопреки, а в глубине этого потока ожогов, реакций, итогов, сжатых формулировок и пересказов событий.

Редакции "Просторов", мне кажется, предстоит исследование взаимодействий разных форм высказывания, поиск водораздела, где новость и событие переходят в изображение, выставку, разговор, литературу, в художественный перевод или акцию протеста.

Я пишу "мне кажется", потому что в "Просторах" нет главного редактора, нет выверенной политики издания, которая была бы известна уже сейчас, в момент, когда все, что мы пишем, все, о чем мы говорим в редакции, является предисловием.

Лада Наконечна

Розпочати знову, але не з початку. Нинішньому моменту передують не тільки конкретні спільні практики, дружба, робота, але й прожите, пережите, проговорене і ні.

Це спроба створення відкритої структури, що уможлиблює співіснування різних, часом неузгоджених висловів та практик, фактів-уламків, залишків катастрофи, загублених, майже забутих історій і об'єктів, слідів дій, документів, зображень, слів, звуків, кольорів, букв. Деякі з них здаються нікому не потрібними, деякі створено зараз, якісь, можливо, втрачені у минулому, навмисно викинуті або надійно сховані під заваллям, в укритті, там, де все ж є шанс дочекатись спасіння.

Але всі вони разом чомусь опиняться тут.

Саме це непояснюване "чомусь" їх об'єднує.

І вони ставлять питання: “навіщо дістали?”, “навіщо поклали поруч?”, “І взагалі – хто ви?”. І дійсно – хто це “ми”?

Тут не місце комфорту та стабільності – тут не йдеться про означення й ухвали. Як і не йдеться про накопичення – текстів, матеріалів, знань, – скоріше про втрату й недовіру. Ми будемо розглядати зв'язки, що утворюються в тимчасових комбінаціях, акти виведення окремого у світло уваги, допоки воно не згасне.

Повтори, подібності тут вимагають розрізнення. Перетини та нашарування – створення прогалин, місць які не належать нікому.

І спільне, що виникає знову і знову між кожним як окремим. У тривалості повторення, яке щоразу конститує те саме, але зовсім інше. Це існування поряд, у коливанні різниць.

Юрий Лейдерман

Я бы хотел предпослать нашей деятельности два эпитафия, которые я, впрочем, цитировал последние годы множество раз. Один из них – фраза американского абстракциониста Роберта Мазервелла: "Живопись есть эстетический ответ на моральные вопросы".

Конечно, речь может идти не только о живописи, но о любом художественном жесте, в котором эстетика сходится с этикой. Однако, отталкиваясь от японской живописи, столь ценимой американскими абстракционистами, я думаю, что здесь в первую очередь имеется в виду жест достоинства, самособойности. Он может быть не связан с миметическим сходством, профессиональными навыками и даже с рефлексивной глубиной. Однако представляет собой путь, на котором собственное обретение достоинства возможно разделить с другими. И это приобретает особый смысл, если вспомнить, что наша революция тоже называется Революцией Достоинства.

Так что здесь появляется для меня второй эпитафия, из стихотворения Пастернака "К Октябрьской годовщине", 1927 года:

Однажды мы гостили в сфере

Преданий. Нас перевели

На четверть круга против зверя.

Мы – первая любовь земли.

Да, никто уже не верит, что мы можем передвинуть стрелки против вселенского Зверя на полный круг. Но хотя бы на четверть. И даже не в политической реальности, но в той сфере, где собственная жизнь сходится с одержимостью предания. Там, собственно, мы и выходим к "первой любви земли", которая всегда Революция. И всегда после нее.

Николай Ридный

В Украине существует дефицит изданий, сфокусированных на критике и рефлексии современной культуры, её связи с современным социально-политическим и историческим контекстом. Мне кажется, что создание такой платформы для высказывания не только заполняет пробелы, но и предоставляет уникальную возможность взаимодействия позиций в сфере визуального искусства, литературы, перевода, политики и истории.

Именно полифония мнений – как солидарных, так и противоречащих друг другу, но неизменно нацеленных на со-существование, – является альтернативной моделью того, как работает современная машина подачи информации. Важным является не только разговор о не-проговоренных темах и проблемах, но сама возможность разговора.

Попытка структурировать окружающую реальность "войны всех против всех" является попыткой противостояния повсеместному опустошению языка. Прежде всего, это эксперимент, направленный на воссоздание многослойности смыслов и понятий в ситуации их обесценивания, сложности рефлексии в ситуации упрощения.

Анна Звягинцева

Название издания двусмысленно и смутно, оно охватывает слишком многое, и кажется, что конкретика ускользает. Но это кажущееся-необъятным мне и интересно. Есть иллюзия, что у нас много времени, чтоб уйти за горизонт, дойти до настоящего края и за это время что-то осмыслить в полной мере. Но полный охват избранного нами поля вряд ли может состояться, вряд ли мы сможем в полной мере синтезировать наш различный опыт, и каждый из нас может говорить только от себя, не манифестируя, не обобщая.

В этих пространствах (просторах) каждый может создать отдельное место, но важны связки, тропинки, которые будут проложены от мысли к мысли. И прямой дороги нет, и к горизонту не дойти, приходится блуждать от одного места опыта к другому. Вот это блуждание кажется самым важным. И наш читатель будет волен выбрать свой маршрут.

Елена Вогман

О месте • вненаходимость

Как положительно определить место сдвига, диаспоры, одержимости, желания? Михаил Бахтин писал о существовании такого места, назвав его вненаходимостью, и кажется, что это угловатое слово было дорого философу именно тем, что вместило в себя противоречие места.

Вненаходимость стала синонимом главных концепций Бахтина – диалог, полифония, карнавал, амбивалентность – обозначая отношение автора и его текста, а также автора и персонажа.

Быть вне себя и вне другого обозначает прежде всего степень уязвимости: отсутствие щита имени, места, идеологии, закона незыблемой реальности. "Находимость" же говорит о тревожащем присутствии, необходимости и непосредственности действия. В этом раздвоении, которое невозможно превратить в закон, в профессию или в институцию, кроется критический – и поэтому тревожащий – потенциал вненаходимости.

Василь Лозинський

“Простори” будуть ресурсом ретрансляції непочутих голосів, а також нових колаборацій, проте відрізнятимуться від каталогу найновіших художніх робіт або дайджеста літературних новинок. Інтердисциплінарна редакція буде напряду, переважно без посередництва критиків звертатися до широкого читацтва в пошуках нової зрозумілої, але водночас і експериментальної мови.

Продовжуючи діяльність “Просторів”, які були засновані у 2008 році в Києві групою перекладачів та авторів, нове інтернет-видання буде і надалі приділяти увагу якісним перекладам. Редакторські розділи, окрім загальних рубрик, міститимуть як власні матеріали редакторів, так і твори інших авторів.

Завданням є зібрати читацьку спільноту навколо текстів та візуальних матеріалів, які через брак можливостей публікацій в Україні не можуть здобути широкий розголос. На мою думку, тексти – зокрема поетичні – дозволять зблизька розглянути визначену тему або проблематику мистецької практики та мови, яку використовують автори.

Своєю особистою метою я вважаю вибудувати діалог у художніх текстах зі світовою мистецькою спільнотою, не концентруючись лиш на культурі України, двох мовах та проблематиці зв'язків з культурою сусідніх країн. Цьому буде зокрема присвячено мій редакторський розділ "Повітряний міст".

Никита Кадан

Когда описываешь условия появления новых "Просторов", сразу приходят на ум два состояния: война и культурный кризис. Культурный кризис начался задолго до войны, а война не предполагает окончания.

В ситуации кризиса можно оставаться очень долго. Целую жизнь, жизнь за жизнью, тлеть, коптить понемногу. Нескончаемый переходный период, вечная тяжба без вынесения приговора. Лучше нам перейти в активный кризис, в пространство решения.

Время войны требует принять реальное и осознанным волевым образом ступить в темноту. Отказ от гарантий и анти-эффективность пусть будут среди наших оснований.

Перевод, перевод-как-принцип в прежних "Просторах" стал чем-то собирающим, сшивающим воедино различные дисциплины и области знания, которые освещало издание. Возможно, сейчас этим собирающим средством станет современное искусство, современное-искусство-как-принцип, что не означает монополизации издания "художественным". Но современное искусство – это и прохождение между дисциплинами, не только шов, но и разрез, инструментарий разделения. И пускай он будет в наших руках наравне с объединяющим инструментарием перевода.

В то же время мы не становимся в зависимость от сложившегося локального круга, определяющего себя через принадлежность к "современному искусству" и устанавливающего более-менее стабильный режим компромисса. Данный компромисс – это исключительно удушливое закрытое пространство. Заниматься "Просторами" – значит отстаивать возможность свободного дыхания. Не будет здесь недобровольно избранной "художественной среды", не будет собеседников, на которых ты обречен по причине общей принадлежности к местной "профессиональной ситуации". Будет речь разделенная, частная, несогласованная, и будет высказывание, которое не может быть обесценено, потому что не предлагается кому-либо для оценки.

Один из основных инструментов обесценивания высказывания – художественного или другого – в Украине сегодня называется "не время". Идеи, голоса, люди, права, артефакты задвигаются в тень, объявляются "самими по себе терпимыми, но именно сейчас неуместными".

Мы, несомненно, будем заниматься проблематиками, для которых "не время". Предполагаю, что только в "не-время" высказывание и возможно в полной мере.